

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 120–128.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 1 (86):120–128.

Научная статья

УДК 821.161.1.09

DOI 10.37724/RSU.2025.86.1.013

Правда художника: А. С. Пушкин и С. А. Есенин в создании образа Хлопуши как национального типа

Дмитрий Владимирович Польш¹, Инесса Николаевна Коржова²

¹ Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

² Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

¹ dv.pol@mpgu.su, pol-d-v@yandex.ru

² clean24@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены этапы формирования образа Хлопуши (Афанасия Соколова) как национально-культурного типа. Отмечено, что генезис образа был исключительно литературным и не опирался на фольклор, поскольку распространение памяти о восстании в народе жестоко пресекалось властями. Особую роль в становлении данного типа сыграли А. С. Пушкин и С. А. Есенин. Пушкин-историк, отчасти опираясь на летопись П. И. Рычкова «Осада Оренбурга», включает Хлопушу в круг ближайших сподвижников Пугачёва, а в «Капитанской дочке» делает его воплощением разбойничьей, удалой стороны бунта. Близость к народному и, возможно, романтическому типу разбойника открывает пушкинскому Хлопуше возможность искупления. В XIX веке эти черты получили развитие в «народной», анонимной литературе. С. А. Есенин в поэме «Пугачёв» умножает прежние преступления Хлопуши, соединяет удаль с идеей беспощадной мести дворянам. Отмеченные черты развивались в творчестве писателей XX–XXI веков, сделавших Хлопушу знаковой фигурой народного бунта. В поэме С. А. Есенина «Пугачёв» создан миф о том, что Хлопуша был подослан как убийца к самозванцу. Этот миф, не подкрепленный научно, тем не менее транслируется в историко-публицистической книге А. В. Иванова «Вилы». В исследовании показано, что образ Хлопуши как сложившийся тип основан на соединении черт справедливого разбойника и гневного мстителя, преувеличении близости к Пугачеву Хлопуши и роли последнего в захвате уральских заводов и восстании в целом.

Ключевые слова: авантюрный сюжет, исторический образ, мифологизация, национальный тип, Пугачев, самозванство, тип бунтаря, Хлопуша.

Для цитирования: Польш Д. В., Коржова И. Н. Правда художника: А. С. Пушкин и С. А. Есенин в создании образа Хлопуши как национального типа // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 120–128. DOI: 10.37724/RSU.2025.86.1.013.

Original article

The artist's truth: Pushkin's influence in S. A. Yesenin's image of Khlopusha as a national type

Dmitry Vladimirovich Pol¹, Inessa Nikolaevna Korzhova²

¹ Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

² Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow, Russia

¹ dv.pol@mpgu.su, pol-d-v@yandex.ru

² clean24@yandex.ru

Abstract. The article considers the stages of formation of the image of Khlopusha (Afanasy Sokolov) as a national-cultural type. It is noted that the genesis of the image was exclusively literary and did not rely on folklore, because the dissemination of the memory of the uprising among the people was severely suppressed by

the authorities. A. S. Pushkin and S. A. Yesenin played a special role in the formation of this type. Pushkin as a historian, partly relying on P. I. Rychkov's chronicle *The Siege of Orenburg*, includes Khlopusha in the circle of Pugachev's closest associates, and in *The Captain's Daughter* makes him the embodiment of the brigand, dashing side of the rebellion. Khlopusha's proximity to the common folk and, perhaps, romantic type of robber opens up the possibility of redemption for this image. In the 19th century, these features were developed in traditional oral literature. S. A. Yesenin in his poem *Pugachev* multiplies Khlopusha's previous crimes, combines his prowess with the idea of merciless revenge against the nobles. These features were developed in the work of writers of 20th–21st centuries, who made Khlopusha an iconic embodiment of the people's rebellion. S. A. Yesenin's poem "Pugachev" created a myth that Khlopusha was sent as an assassin to the impostor of the Tzar. This myth, though not supported by historical evidence, is nevertheless broadcast in A. V. Ivanov's historical-publicist book *Pitchfork*. The study shows that the image of Khlopusha as an established type is based on the combination of the features of a fairly-minded robber and an angry avenger, on emphasizing Khlopusha's closeness to Pugachev and his role in the seizure of the Ural factories and the uprising as a whole.

Keywords: adventure plot, historical image, mythologization, national type, Pugachev, imposture, rebel type, Khlopusha.

For citation: Pol D. V., Korzhova I. N. The artist's truth: Pushkin's influence in S. A. Yesenin's image of Khlopusha as a national type. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 1 (86):120–128. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.86.1.013.

Введение

Историческое прошлое — предмет изучения многих наук, среди которых на особом положении находятся история и литературоведение. Историки собирают и анализируют факты, но именно писатели делают их понятными для всех, соединяют в целое, выстраивают сюжетные линии, иногда даже там, где их не было изначально. Обобщения на основе фантазии, интуитивно обретенного предположения позволяют перейти на новый уровень, выявить новые горизонты для научного поиска. Вне литературы нет истории как науки (великий Геродот, с которого традиционно начинается свой отсчет историческая наука, в равной степени принадлежит истории и литературе), в свою очередь она определяет направления и формы изучения литературного процесса. И тому множество подтверждений, особенно в истории русской литературы XIX–XXI веков, насыщенной событиями, актуальность которых сохраняется и в настоящее время.

До Н. М. Карамзина было множество историков, но именно с него, великого русского писателя, обратившегося к истории своей страны для просвещения сограждан, и начинается, по словам А. С. Пушкина, изучение России¹. «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом» [Пушкин, 1993, с. 806] — в этих хрестоматийно известных словах А. С. Пушкина и признание заслуг Н. М. Карамзина², и констатация особого статуса литературы в формировании исторического сознания.

Нередки случаи, когда фантазия писателя, вступив в конфликт с неоспоримыми, на первый взгляд, свидетельствами эпохи, оказывалась в конечном итоге более достоверной и потому историчной, чем мнения историков, казалось бы, приверженных фактам и документам. Так, в 1868 году в разгоревшейся полемике вокруг опубликованных глав из «Войны и мира» «современники Толстого отказались признать новую, художественную реальность, созданную писательским воображением» [Экштут, 2003, с. 106]. В полемике вокруг романа А. С. Норов, в юности прапорщик, геройски сражавшийся за Отечество на Бородинском поле, затем известный государственный деятель, подкреплял свое возмущение антиисторизмом Л. Н. Толстого ссылкой на «истинного историка», генерала А. И. Михайловского-Данилевского, мемуары и сочинения которого считались образцовыми для понимания Отечественной войны 1812 года. Однако опубликованные уже в XX столетии «военные дневники» А. И. Михайловского-Данилевского опровергли многие из утверждений А. С. Норова и косвенно подтвердили точность и верность

¹ Карамзин писал, что для историка не так важны его политические убеждения, как художественное изображение исторических событий.

² Об этом Пушкин писал прямо и безапелляционно: «"История государства Российского" есть не только сочинение великого писателя, но и подвиг честного человека» [Пушкин, 1993, с. 806].

описаний и суждений Л. Н. Толстого [Экштут, 2003, с. 117–137]. «Романист оспорил у историка суверенное право креативности и выиграл спор» [Экштут, 2003, с. 138]: толстовская версия событий 1812 года стала основой национальной идентичности, правды о прошлом, составной частью общероссийской топики.

Конечно, подобное по силам только гениальному автору, который, по словам Л. Фейхтвангера, в состоянии изменить историческое сознание общества и придать даже вымышленным героям «высшую степень реальности» [Фейхтвангер, 1990, с. 593]. «Благодаря искусству писателя эти герои <вымышленные персонажи> волнуют читателей сильнее, чем носители самых громких исторических имен» [Фейхтвангер, 1990, с. 578]. Русская литература XIX–XX веков богата гениальными писателями, играющими заметную роль в осмыслении истории и культуры. Особая роль писателей в осмыслении исторического прошлого России хорошо заметна при обращении к истории Пугачевского бунта (казацко-крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачёва), прежде всего в изображении Е. И. Пугачёва и его сподвижников, в особенности Салавата Юлаева и Хлопуши³, культурная значимость которых несоизмерима с той относительно незначительной ролью, которую они играли в восстании⁴.

К началу XXI столетия Хлопуша стал одним из значимых для русской культуры типов, воплощением протеста против социальной несправедливости, ярким примером представителя рабочего люда (своего рода предпролетарий), отказавшегося ради идеи (в этой парадигме служение Пугачёву есть лишь способ ее реализации) от возможностей возвращения в привычную жизнь (после убийства самозванца). Таким предстает Хлопуша в поэмах и романах XX века; о неугасающем интересе к его фигуре свидетельствует и современная книга «Вилы» (2016) А. В. Иванова, писателя, публициста и историка Уральского края.

Признавая, что в настоящее время Хлопуша представляет определенный культурно-исторический тип⁵, необходимо более подробно рассмотреть историю становления этого образа, что представляется возможным с учетом относительно недавнего возникновения данного типа героя.

Если литературный образ Пугачёва уже привлекал внимание современных исследователей [Райнова, 1979; Евсина, 2013; Болноева, 2018 и др.], то Хлопуше повезло намного меньше. Как правило, образ Хлопуши анализируется в рамках того произведения, персонажем которого он является, в то время как типологическая его составляющая игнорируется. Для ликвидации одного из пробелов в изучении образа Хлопуши в статье рассматривается процесс становления данного образа как национально-культурного типа.

Основная часть

В большинстве случаев основу национального, а тем более мирового образа составляют произведения устного народного творчества. Однако в силу многих причин объективного и субъективного свойства пугачевское движение не закрепилось в народном сознании на уровне фольклора. В значительной степени это объяснимо беспрецедентно жесткими мерами со стороны имперских властей по искоренению памяти о восстании, а в какой-то мере и крайне неоднозначной фигурой его предводителя (в отличие от Разина и Булавина никакой известности у Пугачёва до начала восстания не было; храбрый и находчивый казак, без какого-либо авторитета в казачьей среде, Емельян Пугачёв неотделим от идеи самозванства, а значит ассоциировался и со Смутным временем, в том числе с весьма спорной в народном созна-

³ В романе «Салават Юлаев» (1929) С. П. Злобина Хлопуша предстанет в роли наставника заглавного героя. Фантазия автора, впрочем, в полном согласии с идеологическими установками 1920-х годов соединяет двух самых известных в памяти культуры соратников Пугачёва в единое целое.

⁴⁴ Имена многих лидеров восстания, игравших намного большую роль, чем Салават Юлаев и Хлопуша, так и остались уделом профессиональных исследователей народных движений и истории России екатерининского времени, не перейдя ни в художественную литературу, ни в фольклор.

⁵ В рамках юнгианского или неоянгианского подходов Хлопуша окажется ярким выразителем одной из устойчивых общностей (архетипов, универсалий, типов и т. д.). Вопросы формирования единой (универсальной) типологии выходят за рамки исследования, поэтому Хлопуша (на начало 2020-х годов) обозначен как яркое воплощение культурно-исторического, национально-культурного или национального (в статье они рассматриваются как синонимичные) типа.

нии личностью Григория (Гришки) Отрепьева⁶). Немногочисленные фольклорные материалы о пугачевском восстании и его участниках были собраны уже в XX веке, многие в пореволюционную эпоху [Железнов, 1910; Песни и сказания о Разине и Пугачёве, 1935; Пугачёв в Среднем Поволжье и Заволжье ... , 1947].

Афанасий Тимофеевич Соколов (стал широко известен под прозвищем Хлопуша) — один из самых колоритных участников пугачевского движения. Клейменный каторжник, посланный со специальным заданием оренбургских (царских) властей в стан самозванца, к которому он тут же и перешел с покаянием и последующим прощением, Хлопуша уже в 1774 году был отмечен особым вниманием местных властей. Сразу после поимки он был приговорен к смерти, а затем казнен в Оренбурге. Причем Пугачёв в момент казни Хлопуши не только не был пойман, но и активно действовал в Поволжье. Хлопуша оказался в числе четверых, кто был осужден на смерть после короткого, по сути формального, следствия (всего Оренбургская следственная комиссия рассмотрела дела почти двух с половиной тысяч участников Пугачевского бунта). Отрубленная голова Хлопуши даже какое-то время находилась на Оренбургской площади⁷. Но эти факты не подтверждают его значимости в самом ходе восстания.

Первое художественное осмысление образа Хлопуши принадлежит А. С. Пушкину. Однако написанию повести «Капитанская дочка» предшествовали исторические разыскания, непосредственно отобразившиеся в «Истории Пугачевского бунта». И решающими для дальнейшего осмысления образа Хлопуши стали сочинения П. И. Рычкова, ученого и администратора, опубликованные А. С. Пушкиным в материалах к «Истории Пугачевского бунта».

Летопись Рычкова — это и первый источник фактических сведений о Хлопуше, она же первый пример мифологизации образа каторжника. Заметки созданы в самый разгар событий, осенью 1773 — весной 1774 года, наполнены авторскими наблюдениями, но в то же время работе не хватает критичности к источникам информации, так как многие слухи и домыслы воспринимаются Рычковым, убежденным в точном понимании происходящего в крае⁸, как достоверные сведения. История Хлопуши, направленного из Оренбурга в стан врага, была хорошо известна Рычкову. В летописи он излагает краткую биографию каторжника⁹, пестрота внешних сведений (трехкратный побег) при скупой конкретике как раз создавала почву для художественного претворения биографии героя.

Рычков преувеличил последующую значимость Хлопуши в лагере мятежников, показав его как главного советчика и помощника Пугачёва. В связи с этим поступок Рейнсдорпа представлял не просто как нелепый, но как переломный в развитии бунта¹⁰: губернатор послал Пугачёву едва ли не первейшего помощника, благодаря которому яицкие казаки и самозванец обратили внимание на уральские заводы. Рычков неоднократно называл Хлопушу «любимцем» самозванца. Отметим, что сам центральный эпизод истории Хлопуши — его попадание в стан Пугачёва — оказался выстроен в согласии с господствовавшими в последней трети XVIII века

⁶ В «Капитанской дочке» А. С. Пушкин вкладывает в уста Пугачёву и Гринёву эту связь, причем в соотношении с народными представлениями. Так, если пугачевское отношение к самозванству укладывается в восприятие «хоть день — да наш», то гриневское — «сколько веревочке не виться, а конец все равно будет».

⁷ Вполне возможно, что быстрая казнь Хлопуши была выгодна губернским властям, так как они, прежде всего Рейнсдорп, не были заинтересованы в расследовании истории засылки каторжника в стан Пугачёва: слишком в нелестном свете представлены в этой истории местные власти.

⁸ П. И. Рычков находился в осажденном Оренбурге и имел прекрасную возможность видеть и оценивать происходящее там. По своему положению член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук П. И. Рычков был одним из немногих независимых от губернатора Оренбурга людей; кроме того он являлся знатоком Оренбургского края, где провел большую часть своей жизни; имел доступ к разнообразной информации, что делало его одним из наиболее осведомленных во всем, что связано с пугачевским восстанием.

⁹ Можно допустить, что Рычков далеко не все, что знал о восстании и его руководителях, отобразил в своей летописи. Вряд ли Рычков, судя по всему, недолголюбивавший губернатора Рейнсдорпа, хотел «смягчать» образ Хлопуши. Скорее, напротив, Рычков склонен был гиперболизировать роль Хлопуши в восстании, что косвенно еще более усиливало вину губернатора, который совершил очевидную глупость, граничившую с преступлением, отпустив столь закоренелого и умного преступника.

¹⁰ Именно Рычков первым увидел в Хлопуше того, благодаря которому возмущение яицких казаков превратилось во всероссийский бунт, поколебавший сами устои Российской империи. При этом деятельность И. Грязнова, несомненно, намного больше сделавшего для литья пушек для восставших на Урале и привлечения рабочих людей в войско Пугачёва, Рычков не замечает. Во многом благодаря Рычкову Хлопуша вообрал в себя биографии сразу нескольких сподвижников самозванца, став одним из главных его помощников.

представлениями о фортуне, случайном и закономерном в жизни и в культуре [Строев, 1998, с. 132–155]. Рычков первым сообщает историю посылки Хлопуши к самозванцу, целью которой была агитация казаков и, в случае ее успеха, поимка лжеимператора.

В «Капитанской дочке» Пушкин, используя прежде всего сочинения П. И. Рычкова, вынужден был реконструировать сразу несколько поведенческих стратегий: губернатора Ивана Андреевича Рейнсдорпа (обозначенного в повести как Андрей Карлович Р.), Хлопуши, командиров Оренбургского гарнизона и предводителей восставших. Губернатор Р. предстал немного сентиментальным, расчетливым (типичные характеристики немцев в русской литературе XIX–XX веков) и нерешительным человеком (это уже «вклад» летописи Рычкова). Пушкин убирает сцену отправки Хлопуши в стан самозванца, но оставляет читателю наглядные последствия этого опрометчивого шага губернатора. Сильный и смелый каторжник становится ближайшим сподвижником самозванца. В повести Пушкин акцентирует внимание на удали Хлопуши, когда-то лиходействовавшего, но в открытую, а не подлым образом — не в спину, «бабым наговором». В «Капитанской дочке» Хлопуша изображен с некоторым сочувствием, особенно на фоне злобного и беспощадного старика Белобородова.

В «Истории Пугачевского бунта» Хлопуша выступает как один из многих предводителей восставших, именно его имя наиболее часто звучит на страницах пушкинского сочинения. Так, в «Истории...» Перфильев (влиятельный яицкий казак), считая комментарии, упомянут 13 раз, а Хлопуша — 21, что намного больше Подурова, еще одного представителя яицкой казачьей старшины¹¹ (11 раз), Зарубина-Чики, длительное время командовавшего отдельной армией на Урале (менее 10 раз), и Белобородова (9 раз).

Внимание Пушкина должно быть обращено на наиболее авторитетных сподвижников самозванца, но для писателя и историка на первое место выходит Хлопуша — каторжник, разбойник. При этом Пушкин в «Истории...» не приписывает Хлопуше чужих «заслуг», Хлопуша не сопоставим по своему авторитету и влиянию ни с Подуровым (Падуровым), ни с Перфильевым, ни с Овчинниковым, ни с Зарубиным-Чикой, ни с Белобородовым. И, тем не менее, именно его имя чаще всего звучит в историческом сочинении Пушкина. В «Капитанской дочке» именно Хлопуша с Белобородовым (самые доверенные люди у самозванца) представляют восстание как таковое. Пушкин не был сторонником восстания (вплоть до XX столетия сама постановка вопроса об оправдании пугачевщины показалась бы нелепой), но стремился увидеть истинные причины народного возмущения в синхроническом и даже диахроническом аспектах. Если в Белобородове Пушкин увидел воплощение садизма и жестокости как одной из значимых составляющих восстания, то в Хлопуше — другую, столь же важную сторону — разбойничью удаль, которая для писателя неотделима от готовности к самопожертвованию и искуплению своих грехов¹².

В сцене допроса Гринёва Пугачёвым с участием Хлопуши и Белобородова Пушкин пошел на несомненную подмену ролей, так как к моменту начала пугачевского восстания Хлопуша был человеком бывалым и по меркам того времени весьма возрастным; ему было около шестидесяти лет, а Белобородову — немногим более тридцати. Тем не менее человеконенавистничество закрепляется за резко «постаревшим» Белобородовым, а удаль, пусть и разбойничья, — за помолодевшим Хлопушей.

А. С. Пушкин в «Капитанской дочке» никак не обыгрывает историю неудачной засылки Хлопуши в стан Пугачёва, хотя, судя по «Истории...», прекрасно знает о ней. Авантюрное уступает место онтологичному: в «Капитанской дочке» Пушкину важнее в Хлопуше то, что он воплощает одну из граней национального характера, а не занимательность его приключений. В то же время для писателя Хлопуша неотделим от протеста, мести, а также удали, потому герой потенциально открыт для искупления и покаяния, как это было представлено в знаменитых «Братьях-разбойниках» Пушкина, когда «в черный день» может «проснуться» совесть.

Именно после пушкинских сочинений, «Истории...» и «Капитанской дочки», Хлопуша становится одним из символов восстания, что хорошо заметно по так называемой народной литературе (публиковалась, как правило, без указания автора, имела занимательный характер, находилась между лубочной и авторской литературами).

¹¹ А. С. Пушкин пишет его фамилию через «а» — Падуров.

¹² Здесь А. С. Пушкин близок к романтической трактовке разбойников.

В ряде «занимательных книг» (исторических анекдотов / историй) о Пугачёве, написанных и опубликованных в XIX столетии, акцентировалось внимание на жестокости самозванца, большое значение придавалось описанию удачных действий Пугачёва («ловкий плут», скорее в этом качестве представлял самозванец), сподвижники же Пугачёва оставались, как правило, безымянными или наделялись иностранными именами (кличками). Тем не менее присущая данным сочинениям авантюрная составляющая с определенным пиететом по отношению к разбойничьей удали позднее перешла на сподвижников самозванца, среди которых выделился Хлопуша. Так, в книге «Емелька Пугачёв и Хлопуша», опубликованной в 1870 году в Москве (автор не указан, установить не удалось), губернатор Рейнсдорп поручает Хлопуше, в недавнем прошлом товарищу самозванца, поймать Пугачёва.

Несколько наивная манера повествования, умилительные интонации, декларирование верноподданических чувств со стороны оренбуржцев — все это указывало на возможного разнотчинного адресата — главного читателя и потребителя подобных книг. Поэтому неудивительно, что Хлопуша хранит три бочонка золота на черный день, а после поражения пугачевцев под Оренбургом раскаивается и задумывает бежать с семьей в безопасное место: «Пропади прахомъ этотъ разбой; вижу я, что это грѣшное дѣло не съ руки никому. Мы только гибнемъ съ проклятымъ Пугачевымъ» [Емелька ... , с. 49].

В авантюрном романе Г. А. Хрущова-Сокольников «Пугачёв» (1887, 1911) Хлопуша также предстает давним знакомым Пугачёва. Каторжник показан как голос и воля низовой России, в чем противостоит героям-казакам.

Таким образом, дореволюционная литература постепенно вплотную подошла к восприятию Хлопуши как разбойника и каторжанина, воплощающего характерные черты национально-го характера. Особо на этом пути следует отметить «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина.

С. А. Есенин продолжит эту линию, значительно усилив ее, резко выделив Хлопушу среди всех пугачевских сподвижников. Только Хлопуше и Зарубину Есенин посвятит по целой главе, но если в зарубинской все посвящено развитию восстания, личность Зарубина обрисована схематично, то в главе «Уральский каторжник» в центре внимания поэта оказываются эмоции и переживания Хлопуши.

Есенинский Хлопуша заслоняет всех соратников Пугачёва: у него, в отличие от «Капитанской дочки», нет никакой равноценной оппозиции. Выделяя Афанасия Соколова среди множества других предводителей восстания, Есенин сознательно оттеняет или убирает многих, намного больше значивших для Пугачёва и не только (правительственные чиновники, несомненно, были более озабочены поимкой Перфильева и Подурова, Зарубина-Чики и Белобородова, Шигаева и Грязнова, чем Хлопуши). Перфильев — один из самых авторитетных и влиятельных сподвижников Пугачёва¹³, — окончательно уйдет в сторону (в поэме о нем даже не упомянут).

Поэма «Пугачёв» С. А. Есенина стала новым этапом в разработке образа Хлопуши как национально-культурного типа. Есенин слабо использует потенциальные возможности «авантюрной биографии» Хлопуши (как раз этим «увлекались» «народные книги» о пугачевском бунте): поэта интересует Хлопуша как воплощение народной мечты о мести «барам» (дворянам) за обиды. Есенин отказывается от принципа дополнительности в создании портретов бунтарей и не ставит рядом с Хлопушей никого из сподвижников Пугачёва. Это еще более концентрирует в одном персонаже такую черту, как готовность к мести, и одновременно снимает потенциальную возможность покаяния и искупления.

Один авантюрный элемент С. А. Есенин, в отличие от А. С. Пушкина, оставляет и развивает. Так, повинаясь творческой фантазии, поэт «уточняет» цель присылки Хлопуши. Она состоит исключительно в убийстве Пугачёва. Нужно отметить, что Есенин остается в поле авантюрного канона, с которым и без того уже был связан Хлопуша в литературе рубежа XIX–XX веков. Однако, несмотря на собственные слова Есенина, что он изучал бунт по многочисленным источникам, можно только утверждать, что он был знаком с «Историей Пугачевского бунта» Пушкина и с приложениями к ней [Шубникова-Гусева, Самоделова, 1998], а значит

¹³ Перфильев, как и Хлопуша, был направлен с поручением (высшие сановники империи, возможно, и Екатерина II были инициаторами этой миссии) в стан восставших. Он должен был убедить яицких казаков выдать Пугачёва Правительству. Очевидно, что Перфильев, весьма авторитетный среди казаков, вполне мог это сделать.

и с летописями Рычкова¹⁴. Биографическая составляющая: возраст, клеймение — вымываются из образа. В монолог включаются отсылки к разбойничьему прошлому. Хлопуша, наперекор исторической достоверности, стал персонификацией народного протеста (убийца и фальшивомонетчик, о чем нет никаких достоверных сведений) и соединил кровопролитие с установлением справедливости. «Уральский каторжник» — образ, никак не связанный с историческим Хлопушей, — именно так назовет одну из частей своей поэмы С. А. Есенин.

И именно есенинская трактовка стала доминантной в интерпретации Хлопуши в литературе XX–XXI веков¹⁵. В советской культуре был востребован герой, воплощавший народный протест, имевший связь как с крестьянской, так и с рабочей средой. В повестях Т. А. Богданович «Горный завод Петра III» (1936) и М. Е. Зуева-Ордынца «Хлопушин поиск» (1937), романах С. П. Злобина «Салават Юлаев» (1928–1962) и В. Я. Шишкова «Емельян Пугачёв» (1945) все более укрепляется связь Хлопуши с горнозаводской тематикой. На новом витке истории оказалось востребованным изображение бунта именно в рабочей среде, а летопись Рычкова, популяризированная А. С. Пушкиным, и поэма С. А. Есенина выдвигали Хлопушу как инициатора захвата заводов и организации литья пушек. Так, в мифе о Хлопуше появились новые черты.

Хлопуша в есенинской трактовке органично вписался в культуру 1960–1980-х годов¹⁶ с ее повышенным вниманием к правдоискательству и увлечением дворовой (околокриминальной) тематикой, сохранил свою значимость его образ и в начале XXI столетия. Так, популярный романист А. В. Иванов в книге «Вилы», в которой показана попытка написать новую «Историю Пугачевского бунта», причудливо соединил развитие устойчивых мифологем и полемику с традицией. Статус исторического факта обретает под его пером история присылки Хлопуши как убийцы к Пугачеву. В то же время Хлопуша у Иванова лишается неистовости бунтаря и статуса «предпролетария». По мнению Иванова, рабочие не приняли Пугачёва и вступили в «гражданскую войну» с приписными крестьянами. Захватив Авзяно-Петровский завод, Хлопуша не сумел наладить там литье пушек (с этой миссией справится Яков Антипов). В то же время писатель показывает Хлопушу с сочувствием: он не злодей, а жертва времени. Иванов, устранив всякие намеки на богатырство, подчеркивает реальный возраст престарелого по меркам XVIII века Хлопуши. Вся его история предстает чередой горьких случайностей, даже ограблению татар, которое стало поводом для клеймения Хлопуши, Иванов находит оправдание (их соплеменники якобы украли у его товарища лошадь — объяснение, не зафиксированное в исторических источниках). Хлопуша оказывается миролюбивым крестьянином, которого делает бунтарем сама эпоха, но и в самом мятеже он сохраняет справедливость. Неоднократно подчеркнут его честный расчет с рабочими заводов, отсутствие корысти. Таким образом, уходя от черт героя-бунтаря, Иванов возрождает фольклорный образ справедливого разбойника или даже честного дурака, чем ломает традицию героизации образа, сохраняя при этом сочувствие к Хлопуше.

Заключение

Хлопуша как значимый герой со всеми признаками народного не состоялся бы без А. С. Пушкина и С. А. Есенина. Пушкин первым выделил в Хлопуше сущностные (онтологические) свойства, характеризующие важнейшие черты национального характера. Наиболее очевидно это проявилось в «Капитанской дочке», хотя уже в «Истории Пугачевского бунта» Пушкин обращает особое внимание на Хлопушу. Полностью проигнорировав авантюрную составляющую биографии каторжника, а затем пугачевского полковника, поэт увидел в Хлопуше того, кому жизнь не дорога. Но удаль героя-разбойника оставляет ему возможность для покаяния, а значит и искупления.

¹⁴ В допросных листах Хлопуши, которые сохранились в материалах Следственного дела [Жижка, 1935], есть рассказ о длительных сомнениях Пугачёва относительно намерений каторжника. Не только при первой встрече, но и после Пугачёв хочет его повесить (возможно, таким образом Соколов позднее, находясь под следствием, хотел показать, что не обладал доверием Пугачёва). Есенин полностью игнорирует этот документ (сложно судить, насколько он с ним был знаком) в пользу своей художественной интуиции.

¹⁵ Словно диссонансом в отношении есенинской трактовки Хлопуши стал роман М. К. Первухина «Пугачёв-победитель» (1924), созданный в жанре альтернативной истории. Данное произведение, написанное эмигрантом и опубликованное небольшим тиражом за рубежом, не оказало заметного влияния на трактовку образа клейменого каторжника.

¹⁶ В какой-то степени этим объясним успех постановки «Пугачёва» Ю. П. Любимовым в Театре на Таганке с В. С. Высоцким в роли Хлопуши.

Хлопуша Есенина предстал как воплощение народного протеста, возможности реализовать вековую мечту о мести «барам» за все обиды, без какого-либо намека на потенциально возможное покаяние и искупление. И, как показывает исследование, именно есенинская трактовка образа Хлопуши оказалась наиболее популярной в XX и даже в XXI столетии, что, однако, не исключает нового «погружения» в онтологическую составляющую образа Хлопуши.

Список источников

1. Болноева Е. В. Рецепция образа Пугачева в произведениях русского авангарда начала XX века // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2018. — № 3. — С. 178–183.
2. Евсина Н. А. Роман С. А. Ауслендера «Пугачевщина» и пугачевская тема в советской литературе 1920-х годов // Мировая литература в контексте культуры. — 2013. — № 2. — С. 59–64.
3. Емелька Пугачёв и Хлопуша. Разбойники и бунтовщики : повесть : в 3 ч. Заимствованная из достоверных источников. — М. : Изд. книгопродавца Манухина, 1870. — Кн. 3. — 252 с.
4. Есенин С. А. Пугачёв // Есенин С. А. Полн. собр. соч. : в 7 т. : поэмы. — М., 1998. — Т. 3. — С. 7–51.
5. Железнов Я. Я. Уральцы. — СПб., 1910. — Т. 3. — 439 с.
6. Жижка М. В. Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши // Красный архив. — 1935. — № 1. — С. 162–171.
7. Иванов А. В. Вилы. — М. : АСТ : Ред. Елены Шубиной, 2016. — 574 с.
8. Лимонов Ю. А., Панях В. М. Афанасий Тимофеевич Соколов-Хлопуша // Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панях В. М. Пугачёв и пугачёвцы. — Л. : Наука, 1974. — С. 138–151.
9. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. — М. ; Л. : Academia, 1935. — 418 с.
10. Пугачёв в Среднем Поволжье и Заволжье. Народное творчество, отрывки из литературных произведений, исторические документы / сост. А. Н. Лозанова. — Куйбышев : Куйбышев. обл. изд-во, 1947. — 184 с.
11. Пушкин А. С. Золотой том. Собр. соч. / ред., биогр. очерк и прим. Б. Томашевского. — М. : Имидж, 1993. — 976 с.
12. Райнова М. Б. Художественная интерпретация образа Емельяна Пугачёва в русской советской литературе : дис. ... канд. филол. наук. — М., 1979. — 291 с.
13. Строев А. Ф. Те, кто поправляет Фортуну. Авантюристы просвещения. — М. : НЛО, 1998. — 400 с.
14. Фейхтвангер Л. Дом Дездемоны, или Мошь и границы исторической художественной литературы // Фейхтвангер Л. Собр. соч. : в 6 т. — М. : Художественная литература, 1990. — Т. 6. — С. 543–679.
15. Шубникова-Гусева Н. И., Самоделова Е. А. Комментарии // Есенин С. А. Полн. собр. соч. : в 7 т. — М., 1998. — Т. 3 : Поэмы. — С. 435–718.
16. Экштут С. А. Битвы за храм Мнемозины. Очерки интеллектуальной истории. — СПб. : Алетейя, 2003. — 320 с.

References

1. Bolnoeva E. V. Reception of Pugachev's image in Russian Avant-garde of early 20th Century. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2018, iss. 3, pp. 178–183. (In Russian).
2. Yevsina N. A. S. A. Auslender's Novel "Pugachevshchina" and the Pugachev theme in Soviet Literature of the 1920s. *Mirovaya literatura v kontekste kultury*. [World literature in the cultural context]. 2013, iss. 2, pp. 59–64. (In Russian).
3. Yemelka Pugachov i Khlopusha. Razboyniki i buntovshchiki: povest v trekh chastyakh. *Zaimstvovannaya iz dostovernnykh istochnikov*. [Yemelyan Pugachev and Khlopusha. Robbers and rebels: a story in three parts. Based on reliable sources]. Moscow, Bookseller Manukhin Publ., 1870, bk. 3, 252 p. (In Russian).
4. Yesenin S. A. Pugachev. *Poln. sobr. soch.: v 7 t.: Poemy*. [Yesenin S. A. Complete works: in 7 volumes: Poems]. Moscow, 1998, vol. 3, pp. 7–51. (In Russian).
5. Zheleznov Ya. Ya. *Uraltsy*. [People of the Urals]. St. Petersburg, 1910, vol. 3, 439 p. (In Russian).
6. Zizhka M. V. Interrogation of Pugachev's officer A. Khlopusha. *Krasnyy arkhiv*. [Red Archive]. 1935, iss. 1, pp. 162–171. (In Russian).
7. Ivanov A. V. *Vily*. [Pitchfork]. Moscow, AST, Ed. Elena Shubina, 2016, 574 p. (In Russian).
8. Limonov Yu. A., Paneyakh V. M. Afanasy Timofeevich Sokolov — Khlopusha. Limonov Yu. A., Mavrodin V. V., Paneyakh V. M. [Pugachev and the Pugachevites]. Leningrad, Nauka, 1974, pp. 138–151. (In Russian).

9. *Pesni i skazaniya o Razine i Pugacheve*. [Songs and tales about Razin and Pugachev]. Moscow, Leningrad, Academia, 1935, 418 p. (In Russian).
10. *Pugachov v Srednem Povolzhye i Zavolzhye. Narodnoye tvorchestvo, otryvki iz literaturnykh proizvedeniy, istoricheskiye dokumenty*. Sost. A. N. Lozanova. [Pugachev in the Middle Volga and Trans-Volga regions. Folklore, excerpts from literary works, historical documents. Compiled by A. N. Lozanova]. Kuybyshev, Kuybyshev Region Publ., 1947, 184 p. (In Russian).
11. Pushkin A. S. *Zolotoy tom. Sobr. soch. Red., biogr. ocherk i prim. B. Tomashevskogo*. [Golden volume. Collected works. Ed., biographical essay and notes by B. Tomashevsky]. Moscow, Image, 1993. 976 p. (In Russian).
12. Raynova M. B. *Khudozhestvennaya interpretatsiya obraza Yemelyana Pugachova v russkoy sovetskoy literature: dis. ... kand. filol. nauk*. [Artistic interpretation of the image of Yemelyan Pugachev in Russian Soviet literature: diss. ... of Candidate of Philology]. Moscow, 1979, 291 p. (In Russian).
13. Stroyev A. F. *Te, kto popravlyayet Fortunu. Avantyristy prosveshcheniya*. [Those who correct Fortune. Adventurers of the Enlightenment epoch]. Moscow, NLO, 1998, 400 p. (In Russian).
14. Feuchtwanger L. The house of Desdemona, or the power and limitations of historical fiction. *Feykhtvanger L. Sobr. soch.: v 6 t.* [Feuchtwanger L. Collected works: in 6 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 6, pp. 543–679. (In Russian).
15. Shubnikova-Guseva N. I., Samodelova E. A. Commentaries. Yesenin S. A. *Poln. sobr. soch.: v 7 t.* [Yesenin S. A. Complete Works: in 7 volumes]. Moscow, 1998, vol. 3: Poems, pp. 435–718. (In Russian).
16. Ekshtut S. A. *Bitvy za khram Mnemoziny. Ocherki intellektualnoy istorii*. [Battles for the Temple of Mnemosyne. Essays on intellectual history]. St. Petersburg, Aletheia, 2003, 320 p. (In Russian).

Информация об авторах

Поль Дмитрий Владимирович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Сфера научных интересов: русская литература XX века, историческая романистика.

Коржова Инесса Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы Московского финансово-промышленного университета «Синергия».

Сфера научных интересов: русская литература XX века.

Information about the authors

Pol Dmitry Vladimirovich — Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Literature of the 20th–21st Centuries at the Institute of Philology of Moscow Pedagogical State University.

Research interests: Russian literature of the 20th century, historical romance.

Korzhova Inessa Nikolaevna — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature at the Moscow Financial and Industrial University “Synergy”.

Research interests: Russian literature of the 20th century.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024; принята к публикации 30.12.2024.

The article was submitted 14.11.2024; accepted for publication 30.12.2024.